ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Силантьева Алексея Игоревича на тему «Нарративная стратегия постсоветского дискурса в русской литературе конца XX века» по специальности 5.9.3. Теория литературы

Диссертация А.И. Силантьева посвящена проблеме изучения постсоветского дискурса в его литературно-художественных реализациях. **Актуальность** представленного исследования обусловлена неугасающим интересом современных ученых к переходному явлению рубежа XX-XXI вв., охватывающему самые разные формы общественного сознания (философия, эстетика, политика, творчество), – деконструкции и переосмыслению советского. Понятие «советское» в обозначенном контексте следует трактовать максимально широко, включая сюда не только идеологию, но и совокупность эстетических и этических представлений, культурных норм, определенный исторический опыт, а также систему коммуникативных практик, в которых многочисленные аспекты советского находят свое воплощение. Постсоветский дискурс рассматривался с точки зрения политологии, социологии, культурологии, лингвистики. Литературоведческий ракурс при этом остается свободной исследовательской нишей – её весьма удачно занимает диссертант, обеспечивая своей работе несомненную **новизну**: художественные тексты как инструмент рефлексии над советским уже оказывались в фокусе внимания ученых-гуманитариев, но изучались либо за пределами собственно литературоведения, либо «точечно», в рамках более частного интереса к наследию того или иного писателя или же литературному направлению и его ключевым представителям.

В этом плане следует подчеркнуть фундаментальный характер работы А.И. Силантьева: **методологически** диссертация четко ориентирована на описание общих закономерностей, справедливых для целого ряда конкретных воплощений постсоветского дискурса в отечественной прозе конца XX в. Решение данной задачи предполагает использование универсальных (не ограниченных спецификой материала) категорий, к которым, безусловно, принадлежит нарративная стратегия, определяемая В.И. Тюпой как «позиционирование когнитивным субъектом коммуникации (автором) вербального субъекта (нарратора) относительно объектов и реципиентов рассказывания». Диссертант сосредоточен на изучении повествовательной прозы, что является еще одним аргументом в пользу выбора нарративной стратегии в качестве «узловой» категории анализа. Во введении диссертации представлено очень подробное и убедительное обоснование как общих, так и частных методов исследования. Работа строится на пересечении нарратологии (Ж. Женетт, В.И. Тюпа, Г.А. Жиличева) и дискурсного анализа (Т. ван Дейк, П. Серио, М. Фуко, В.И. Карасик). Кроме того, А.И. Силантьев демонстрирует

пристальное знакомство с исследованиями, посвященными истории и типологии постмодернизма (Е.А. Добренко, М.Н. Липовецкого, В. Курицына и др.).

Вполне логичным выглядит отбор **материала**. В «Палисандрии» Саши Соколова нарративная стратегия постсоветского дискурса лишь зарождается, как будто предвещая крушение советского. Сорокин, с одной стороны, продолжает «профетическую» линию своего предшественника в «Норме» и «Тридцатой любви Марины», а затем переходит к тотальной деструкции советского в «Романе», «Сердцах четырех» и «Голубом сале». В произведениях Пелевина манифестируется отчуждение и преодоление советского в новом рекламно-медийном дискурсе и подвергается рефлексии сам постсоветский дискурс. Последовательное рассмотрение литературных текстов, относящихся к трем фазам существования изучаемого феномена, показывает, что А.И. Силантьев применяет диахронический подход, что придает поставленной научной проблеме соответствующие масштаб и глубину.

Правомерна выдвигаемая автором **гипотеза**, которая «заключается в том, что постсоветский дискурс, освоенный русским постмодернистским романом, формирует нарративную стратегию деконструкции советского как в диегетическом измерении, так и в измерении художественного языка наррации» (С. 7)[1]. Иными словами, нарративная стратегия постсоветского дискурса обнаруживает себя благодаря постмодернистскому роману, раскрывающему повествовательный потенциал породившей его «дискурсной формации» (М. Фуко). В первой главе А.И. Силантьев, отталкиваясь от триады «автор – нарратор – читатель», составляющей концептуальное ядро теории повествования, настаивает на том, что между автором и читателем располагается не просто субъект рассказывания как продукт творческой деятельности первого («характерный рассказчик с его характерной речью» – С. 32), а сам дискурс, выступающий «движущей силой наррации» (С. 32). «Голос» нарратора, с одной стороны, «несет в себе <…> следы внешнего дискурса», в который «погружен» автор, с другой – является «носителем образа дискурса согласно собственному авторскому замыслу» (С. 35). Если советская литература была «органической частью советского дискурса», то в постмодернистских текстах «советский дискурс сам становится частью и предметом литературы, объектом и образом дискурса» (С. 42). По убеждению диссертанта, постсоветский дискурс есть «коммуникативная практика ценностно-смыслового отражения советского» (С. 49), из чего следует, что постмодернистское повествование, являющееся плоть от плоти постсоветского дискурса, служит не столько передаче событийного опыта

[1] Здесь и далее ссылки на диссертацию А.И Силантьева приводятся в скобках с указанием номера страницы.

(таково фундаментальное свойство абсолютно любого повествования), сколько объективации и разрушению советского – нарратив ослабляет свою первичную репрезентативную функцию и усиливает метарепрезентативную, т.е. сообщает не о мире как таковом, а о «советском» способе его дискурсивного представления.

Из вышесказанного следует, что понятие нарративной стратегии трактуется А.И. Силантьевым не совсем так, как это принято в современной нарратологии. На первый взгляд, ориентиром для диссертанта становится процитированная в начале отзыва дефиниция В.И. Тюпы, согласно которой нарративная стратегия – это базовая модель, или схема, рассказывания, а точнее говоря, конфигурация компетенций – креативной (нарратор), референтной (повествуемый мир) и рецептивной (адресат повествования). Автор как «режиссер» наррации обеспечивает содержательное наполнение этих компетенций, избирая в соответствии со своим эстетическим заданием одну из четырех возможных стратегий: сказание, притчу, анекдот или жизнеописание (см., например: *Тюпа В.И.* Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике. М., 2018. С. 126–143). Весьма показательно, что приведенная типология совершенно не занимает А.И. Силантьева, поскольку в его интерпретации автор всецело подчинен системе коммуникативных регулятивов, определяющих устройство повествования на более высоком уровне, – перечисленные протожанровые «образцы» переходят на ступень ниже в порядке генерации нарратива, становятся второстепенными по отношению к постсоветскому дискурсу. Так, диссертант рассуждает об «анекдотизации советского» в романе «Палисандрия»: она «означает его перевод в категорию частного обращения, частной жизни, сопряженной с жизнью героя». Причем «анекдотизация не совпадает с позицией конкретного нарратора – он вполне наивен в своих характеристиках диегетического мира. Возникает вопрос: это позиция автора? Конечно, только с той оговоркой, что автора самого в его креативных интенциях охватывает постсоветский иронический дискурс» (С. 80-81). Анекдот – всего лишь «жанровая оболочка» (С. 81) на службе постсоветского дискурса, «навязывающего» собственные правила говорения и письма – им вынужден следовать и автор, несмотря на то что именно он «представляет результирующий нарратив в эстетически продуктивном ракурсе» (Там же). Изложенное соображение А.И. Силантьева свидетельствует о его приверженности постулатам французской школы анализа дискурса (о чем он сам заявляет, например, на с. 30) и существенно в меньшей степени – методам собственно нарратологического исследования. Нельзя не заметить, что в самой теории повествования нередко речь заходит о дискурсе (одной из его разновидностей – нарративном), но не в том смысле, который этому понятию придает соискатель.

Вот почему событийность, одно из краеугольных понятий теории повествования, не интересует А.И. Силантьева. Способность транслировать

историю как идентификационное свойство нарратива (*Шмид В.* Нарратология. М., 2008. С. 17-18) не так уж важна с учетом обозначенной методологической установки. Неудивительно, что референтная компетенция повествования понимается диссертантом по-новому: это не просто картина мира и обусловленный ею характер событийности, а «трансфер внелитературных дискурсов и сопряженной с ними картины мира в текстовое измерение литературного произведения» (С. 167). Концептуализация адресата повествования, по сравнению с его привычной нарратологической трактовкой, также меняется: «рецептивная компетенция» расширяется «до уровня рецептивной компетенции коллективного и обобщенного адресата дискурса» (С. 5). Имеется в виду не притчевый, анекдотический и т.п. дискурс (инвариантная модель наррации), а полевая структура (постсоветское), которая сформировалась поверх базовых («вневременных») схем рассказывания.

Предложенный А.И. Силантьевым аспект рассмотрения литературного нарратива позволяет не только исследовать произведения писателей-постмодернистов адекватно их собственной поэтике (дискурсивный «поворот» характеризует в первую очередь творческие открытия эпохи, а уже потом – приемы и методы их изучения), но и уточнить особенности стадиально значимых сдвигов в эволюции художественного сознания на исходе XX в.

Во второй главе анализируется сложная дискурсная организация романа Саши Соколова «Палисандрия», где взаимодействуют речь главного героя-мемуариста, советский (кремлёвский) дискурс, постсоветский дискурс деконструкции и речь нарратора. Палисандр выступает как «языковой юродивый», чья витиеватая и одновременно косноязычная речь пародийно разрушает пафосный стиль советского официоза. Диссертант приходит к выводу, что деконструкция советского осуществляется в романе несколькими способами: анекдотизация и абсурдизация истории, превращение её в «эго-историю» Палисандра; ремифологизация, посредством которой советская историография заменяется гротескной мифографией, где реальные исторические лица (Сталин, Берия, Высоцкий) вовлечены в фантасмагорические сюжеты; смешение дискурсов и речевых пластов (высокое витийство соседствует с низким просторечием и физиологизмом); языковая архаизация, которая, будучи деланой, обессмысливает советский дискурс изнутри.

Третья глава посвящена разбору романов В. Сорокина. В отличие от произведения Соколова, здесь постсоветский дискурс затрагивает преимущественно инстанцию «абстрактного нарратора» (пока возьмем в скобки проблематичность этого термина, о которой скажем ниже). Авторская позиция абстрагирована и сливается с обезличенной интенцией разрушения. По справедливому суждению А.И. Силантьева, центральной мишенью деконструкции у Сорокина оказывается «литературная классичность» (С. 168)

– как русская классика XIX века, так и соцреалистический канон, и альтернативные традиции русского модерна.

В романе «Норма» основным инструментом является «сюрреалистическая ремифологизация» (С. 97). Используются приёмы материализации метафоры («буквализация» или «карнализация»): слова-символы становятся вещами (например, «золотые руки» превращаются в переплавленный металл). Дискурсы советского быта (производственный роман, газетная статья, партийное собрание) пародийно воспроизводятся, а затем доводятся до абсурда через распад языка (как в письмах Мартину Алексеевичу). В «Тридцатой любви Марины» деконструкция идёт по пути имитации соцреалистического «производственного романа». Повествование всё более клишируется, наполняясь «деревянным» языком партийных отчётов и передовиц, что завершается полной поглощённостью финального текста газетной риторикой. В романе «Роман» разрушению подвергается стилистика русского классического романа (тургеневской, гончаровской традиции). В «Голубом сале» объектом разрушения становится уже советская классичность. Автор иронизирует над культами писателей (Ахматова, Мандельштам, Солженицын) через гротескные клоны и порнографические пародии.

Четвертая глава отводится анализу романов В. Пелевина. В «Чапаеве и Пустоте» деконструкция направлена как на советский миф (гражданская война – шизофренический бред), так и на поздний «совок» (перестроечная реальность в сюжете больницы). Новая реальность (реклама, «новые русские») также подвергается саркастическому разоблачению. В «Generation П» советский дискурс уже мёртв, автор работает лишь с его «остаточными фрагментами». Постсоветский дискурс становится «двунаправленным»: деконструирует осколки советского («совок», тоталитарное мышление, старые лозунги) и реализует «авто-деконструкцию» (С. 140), разоблачая самого себя и своё порождение – общество потребления и рекламно-медийную реальность.

Может сложиться впечатление, что А.И. Силантьев упрощенно применяет нарратологический инструментарий: повествовательная стратегия как будто сводится к целеполаганию (в данном случае деконструкции советского), которое задает набор приемов, используемых в том или ином романе. Однако на самом деле подход исследователя сложнее и связан с уже отмеченным переосмыслением знакомых понятий в свете «дискурсологической» оптики. В подтверждение наших слов процитируем небольшой фрагмент введения диссертации: «Модель анализа нарративной стратегии постсоветского дискурса в литературном произведении развертывается: в измерении референтной компетенции, что предполагает исследование мета-литературного отношения “дискурс – текст” и архитектонического отношения “автор – наррация”; в измерении креативной компетенции, что предполагает исследование модального отношения

“постсоветский дискурс – советское (в аспекте его объективации)”; в измерении рецептивной компетенции, что предполагает исследование функционального отношения “нарративная стратегия постсоветского дискурса – художественные средства и приемы ее реализации”» (С. 14). Выделенные Силантьевым «измерения» служат подспорьем для практических глав работы. Сделаем на этот счет только одно замечание: кажется, что отношения «автор – наррация» и «дискурс – текст» было бы логичней отнести к креативной компетенции, в то время как «постсоветский дискурс – советское» – к референтной.

Методологическая асимметрия в сторону дискурсного анализа оправдана самой постановкой научной проблемы, но в то же время влечет за собой некоторые сложности, прежде всего, терминологического плана.

Остановимся на одном из спорных терминов, встречающихся в работе А.И. Силантьева, – «абстрактный нарратор» (и его пара – «конкретный нарратор»): «Дискурсы романа [«Палисандрия». – А.А.] проявляются в тексте прежде всего в самом бытии речи, которая может быть ассоциирована с автором, с абстрактным и конкретным нарратором<…>» (С. 51); «Помимо персонифицированного конкретного нарратора, сопряженного с Палисандром, в повествовании романа прослеживается речь нарратора абстрактного <…>» (С. 85). Действительно, указанные понятия спорадически применяются в науке (*Логинова М., Жаркынбекова Ш.* Понятие «нарратив» в парадигме гуманитарного знания // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумелева. Серия «Филология». 2019. № 3 (128) С. 115-128; *Ребрикова К.А.* Деформация нарративной структуры в романе Саши Соколова «Палисандрия» // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2017. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/deformatsiya-narrativnoy-struktury-v-romane-sashi-sokolova-palisandriya), но их отнюдь нельзя считать общепринятыми (ср.: «недиегетический / диегетический нарратор» В. Шмида или «гетередиегетический / гомодиегетический нарратор» Ж. Женетта). Диссертант и не поясняет употребляемые термины, и не дает ссылок на соответствующие работы.

Неубедительно выглядит сужение семантики понятия «текст»: «<…> мы можем проследить рождение текста как момент кодовой фиксации высказывания (например, посредством букв) на бумаге, дисплее компьютера или другом доступном и принятом в культурной практике носителе» (С. 30-31). В ответ хочется задать наивный вопрос: а разве устная фиксация высказывания – это не текст? Нельзя не согласиться с тем, что «чем более баланс бытования дискурса продвигается от полюса устной речи к письменной, тем большее значение в его структуре приобретает собственно текст» (С. 30), но это вовсе не означает, что письменная форма – опознавательный признак текста как явления.

В завершение подчеркнем, что работа полностью состоялась в концептуальном плане и, что особенно значимо, позволяет выйти к новым исследовательским горизонтам. Очевидна **теоретическая значимость** диссертации, вносящей существенный вклад в область изучения постмодернистской литературы, а также обогащающей сложившиеся представления о границах анализа нарратива. Описанные в диссертацици процессы, вероятно, носят более универсальный характер, чем предполагал сам автор диссертации. Невольно возникает мысль: а только ли художественная литература становится тем полем, в котором постсоветский дискурс воплощает свои повествовательные возможности? Не полезно ли рассмотреть с точки зрения деконструкции советского и с опорой на предложенный автором понятийный аппарат нарративы иной медиальности и / или генерируемые за пределами художественной коммуникации? Попутно отметим, что заявленная диссертантом перспектива дальнейшего развития темы выглядит чересчур скромно: «<…> исследование может быть продолжено на материале русской литературы начала XXI века, в частности, в аспектах трансформации нарративной стратегии постсоветского дискурса в произведениях Татьяны Толстой и Михаила Елизарова» (С. 171). Добавим, что полученные А.И. Силантьевым результаты могут быть использованы в рамках спецкурсов и спецсеминаров по нарратологии и дискурсному анализу, в преподавании теории литературы, а также истории отечественной прозы XX-XXI вв. – таковы очевидные аргументы в пользу **практической значимости** диссертации.

Вынуждены констатировать, что работа А.И. Силантьева при всех своих достоинствах не лишена технических «шераховатостей». Помимо неоднозначных терминологических решений, о которых мы говорили выше, и некоторой «тяжеловесности» стиля (формулировки типа «структуры нарративных стратегий дискурса» – С. 5), бросаются в глаза повторы. Некоторые фрагменты текста дублируются слово в слово (например: «Особенно важными нарративные стратегии дискурсов становятся в переломные моменты развития общества, поскольку в такие периоды они формируют сам предмет исторической и социальной рефлексии – как в идеологии, так и в художественной литературе, которая в такие эпохи также становится имманентно или открыто идеологичной» – на С. 32 и С. 50). Конечно, такого рода дублирования отчасти объясняются тем, что каждая глава завершается резюме (на наш взгляд, не самое удачное решение: выводов было бы достаточно).

Диссертация снабжена добротной библиографией. Досадным упущением является почти полное отсутствие в списке литературы работ на иностранных языках (представлена только статья А. Жолковского).

Возникшие вопросы и замечания нисколько не умаляют высокой оценки диссертационного исследования.

Автореферат диссертации соответствует ее основному содержанию, количество и содержание публикаций адекватны представленному исследованию.

Таким образом, диссертация Алексея Игоревича Силантьева «Нарративная стратегия постсоветского дискурса в русской литературе конца XX века» представляет собой самостоятельное исследование, соответствующее критериям, установленным пунктом пп. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ М 842 от 24.09.2013 г. в действующей редакции, а её автор, Силантьев Алексей Игоревич, заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3. Теория литературы.

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры теоретической и исторической поэтики
историко-филологического факультета
Института филологии и истории
ФГАОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет» Андрей Евгеньевич Агратин

20.10.2026

Агратин Андрей Евгеньевич, кандидат филологических наук (специальность 10.01.01. Русская литература), доцент кафедры теоретической и исторической поэтики историко-филологического факультета Института филологии и истории ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет».

Адрес: 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6.
Тел.: +7 (495) 250-61-18.
E-mail: andrej-agratin@mail.ru

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации и их дальнейшей обработки не возражаю.

Подпись А.Е. Агратина заверяю
Заместитель директора Департамента
кадров
Н.Н. Толстых
20 ОКТ 2026